

В. Чечет,

зам. директора по научной работе НИИ педагогики Министерства просвещения БССР, кандидат педагогических наук

Каким должно быть общение родителей с детьми? Приведу несколько высказываний школьников: «Если бы все родители проявляли чуткость и сердечность, общались с нами, то, по-моему, мы стали бы лучше учиться и вести себя» (Наташа Н., VIII класс); «Родители должны разговаривать с нами спокойно, без нервных вспышек, насмешек и окриков» (Виктор С., VII класс); «Родителям надо говорить с нами об отношении к учебе не казенно, с нападками и упреками, а по-человечески» (Светлана Р., VIII класс); «Одних разговоров мало, нужно, чтобы слова подкреплялись примером; самое главное, чтобы родители были положительными людьми» (Людмила Б., VIII класс); «Общаясь с родителями, вообще со всеми взрослыми, я узнаю о своих достоинствах и недостатках и начинаю понимать, кто же я есть и что думают обо мне другие» (Анатолий П., VIII класс); «Я научилась осознавать свои поступки и поведение, чего не было, когда я не прислушивалась к родителям» (Наташа Б., VII класс).

Назовем несколько психолого-педагогических условий, соблюдение которых помогает установить взаимопонимание родителей с детьми, сделать нормальными их взаимоотношения.

Общение всегда должно строиться на основе доброжелательного отношения родителей к детям. Это помогает школьникам преодолевать трудности в учении и труде. Подростки пишут: «Папа говорит со мной спокойно и ласково, замечания тоже делает как-то по-хорошему, поэтому я всегда выполняю все то, о чем он просит меня» (Раиса П., VII класс); «Не успею открыть дверь, как слышу металлический голос матери: «Говори, что сегодня в школе натворила». Даже если там все нормально, хочется сделать что-то плохое в ответ на эти обидные слова» (Таня С., VIII класс).

Общаясь с детьми, необходимо учитывать их возрастные и индивидуальные психологические особенности.

Родители являются для детей источником знаний о социальных явлениях, моральных правилах и нормах. В то же время они для ребенка — образец того, что и как надо делать, как вести себя в различных ситуациях. Дети среднего школьного возраста (11—15 лет) недоброжелательно относятся к родителям, если те пытаются воздействовать на их поведение путем прямого указания или резкого требования. Необходимо обоснованно разъяснять детям моральные нормы и правила, одновременно осуществляя тактичный контроль за их поведением. Школьники этого возраста критически относятся к недостаткам сверстников и взрослых, не замечая собственных недостатков. Поэтому важно развивать у них самокритичность, требовательное отношение к себе.

Общаясь с детьми, следует учитывать их душевное состояние, конкретные условия и ситуации. Слово родителей — тончайший инструмент воздействия на душу ребенка. Недопустимы насмешки, грубость, бестактность, упреки. Они могут сформировать у детей упрямство, недоверчивость к людям, отчуждение,

замкнутость, непослушание и другие отрицательные качества. Причина многих семейных конфликтов — неумение отца или матери говорить с детьми. Нежелание обстоятельно разобраться в поступке ребенка, учесть его возрастные особенности, нарушение культуры речи — это серьезные ошибки, которые допускают родители. Опытные родители избегают подобных ошибок. Они всегда умеют внимательно выслушать ребенка, понять его эмоциональное состояние, ободрить, поощрить старание, дать нужный совет.

В процессе общения должны быть всегда согласованными воздействия на детей отца, матери и других членов семьи, родителей и педагогов.

Приведем примеры того, как психологически тонко воспитывали своих детей К. Маркс, И. Н. Ульянов, М. А. Ульянова, А. В. Луначарский, М. И. Калинин, М. В. Фрунзе, Е. Н. Кошелев, Л. Т. Космодемьянская, А. Т. Гегарина, Н. П. Мерзлова, А. М. Мерзликин.

Для Карла Маркса и его жены Женни было величайшим удовольствием и счастьем общаться с детьми. В процессе общения с Женни, Лаурой, Элеонорой отец и мать формировали у них высокие общественные идеалы, развивали жажду знаний, готовили к самостоятельной жизни и выбору профессии, вырабатывали умение трудиться во имя счастья людей.

«Дом Маркса, по словам Ф. Меринга, сделался в начале 70-х годов центром очень живого общения, своего рода «кубежищем справедливости». Он стал центром международного рабочего движения».

«Девочки с детства слушали горячие дебаты о свободе и независимости, о революции, рано анкиали а смысл этих понятий, их детские восторги, обожание и привязанность к революционерам разных стран, бывшим в их доме, переросли в горячую преданность им и их детям. С детства ненавидели они произвол и насилие и мечтали отдать все силы борьбе за справедливость» (Печерникова А. И. Воспитание в семье Маркса. — М., 1979, с. 41).

«В семье Маркса отношения между родителями и дочерьми были самыми сердечными, самыми непринужденными, самыми уважительными. Элеонора утверждает, что Маркс говорил с нею, даже когда она была совсем маленюшкой девочкой, серьезно и обстоятельно. Маркс никогда не запрещал детям входить в свой кабинет и очень внимательно выяснял, что их интересует».

«Маркс много играл со своими детьми. Ему всегда удавалось занять такую позицию, что дети ощущали внутреннюю близость с ним. С маленькими он играл, как будто сам был в их возрасте, с подростками беседовал и играл, как их ровесник, со старшими детьми спорил, рассуждал, радовался их новым «открытиям» с горячностью и любознательностью, свойственными юности. Он не приспособлялся к детям, оставаясь на высоком уровне мудрого, взрослого человека и в то же время умел стать с ними ровень, быть близким и понятным им».

...Сколько чудесных дней провели дети вместе с Марксом! Несмотря на свою крайнюю занятость, он, например, улучшал несколько минут, чтобы сделать для девочек флотилию бумажных корабликов. И у детей тотчас начинала бурно работать фантазия. Им чудились безбрежные морские просторы, неведомые страны, таинственные острова, они вспоминали о морских битвах и кораблекрушениях, о Колумбах и Магелланах.

...Хорошо понимая, что игра — это жизнь ребенка, Маркс никогда не отказывал детям в игре. А по утверждению Элеоноры, Маркс был еще и единственным в своем роде непревзойденным рассказчиком сказок. «Моим сестрам (я тогда была еще очень мала), — писала Элеонора, — он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на милю. «Расскажи нам еще одну милую», — требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Маркс, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рекле». Она длилась месяц за месяцем: эта была целая серия сказок. Жаль, что кому-то было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором! (там же, с. 52—54).

Одним из важнейших факторов воспитания детей в семье Ульяновых было систематическое и целенаправленное общение родителей с детьми. Оно всегда носило благожелательный и дружеский характер и отличалось доверительностью, тактичностью и деликатностью. Илья Николаевич и Мария Александровна разговаривали с детьми спокойно, внимательно их выслушивали, реагировали на малейшие изменения в их поступках и поведении.

«Он (Илья Николаевич) с большим уважением и неизменной почитательностью относился к жене, был очень вежлив с няней Варварой Григорьевной. Уважительно относился он к детям. Иногда в шутку даже обращался к ним на «Вы». У него не было привычки говорить им, чтобы они не совали нос куда не следует, отец никогда не обрывал их, если они что-то рассказывали путано и длинно, добродетельно помогал им разобраться в своих поступках. Даже упреки и выговоры делал в деликатной форме.

Что касается Марии Александровны, то она была олицетворением выдержки и обаятельной деликатности. Иногда матери раздражаются и нервничают, если дети шумят, пристают с бесконечными вопросами, требуют к себе внимания, шалят. А Мария Александровна родила восьмерых детей, шестерых вырастила. Сколько приходилось Марии Александровне думать над тем, как распределить средства, особенно после смерти Ильи Николаевича, и время, чтобы все были сыты, одеты, ухожены, чтобы в доме было уютно и чисто, в саду цвели розы, наливались соками фрукты. А бессонные ночи, трепетное волнение за новорожденного, тысячи мелких и больших забот, ведомых лишь женщине, хозяйке дома, матери большой семьи! И, несмотря на все это, — никакой нервозности, раздраженности, недовольства шалостями детей. Даже чем-то разгневанная, Мария Александровна оставалась корректной, деликатной». (Печерников в И. А. Величие души. — М., 1977, с. 64—65).

«В семье Ульяновых внешних проявлений любви к детям было немного. Родители не осыпали детей поцелуями, не расточали ласковых слов, не принято было бурно выражать чувства. Царили сдержанность и всегда ласковое внимание друг к другу.

Старый большевик П. П. Делешинский утверждал, что в доме Ульяновых царил дух взаимного доверия, любви и уважения к свободе друг друга. Не было споров из-за будничных интересов текущего дня, ни

драг, столь обычных в обывательской среде, ни конкуренции из-за личных благ жизни» (там же, с. 106).

«Илья Николаевич и Мария Александровна сумели сделать детство своих сыновей и дочерей поистине золотым: радостным, счастливым. Но это было золотое детство без баловства, без праздности, без излишества. Наверное, только такое детство, где много радости и много полезной деятельности, создает отличное душевное здоровье, которым были столь богаты Ульяновы.

Мария Александровна обладала даром глубокого понимания детей: она понимала их маленькими, когда дети не могли вовремя спуститься с чердака к обеду, так как до самозабвения были заняты игрой в индейцев, понимала их и в отрочестве, когда они уезжали в «кругосветное» путешествие на лодках, понимала и в юности, когда все дети увлекались нелегальной литературой, а потом вступили на путь революционной борьбы.

...Мать ни в чем не была помехой для своих детей. Наоборот, ее поддержка, ее советы, ее мужество были для них источником новых сил и вселяли веру в победу.

Мария Александровна много читала и думала, вслушивалась в споры и суждения детей, осмысливала сущность их сложной жизни и революционной борьбы. И чем дальше с возрастом, тем больше углублялось духовное общение между детьми и матерью, развивался общий интерес к новому в литературе и искусстве» (там же, с. 19—20).

А. В. Луначарский писал сыну о том, что «энергия дел человеческих, энергия сердца может быть реактором на века. Но если человек не горел, а тлел, — жизнь его — словно легкий дымок в степи, развеянный ветром».

Вот как с сыном в письмах общается Анатолий Васильевич:

«Дорогой Толя. Получил твое последнее письмо, где ты говоришь о безделье и бессоннице.

Бессонница (кстати, сегодня я спал хорошо), это я понимаю, приходит, и с ней ничего не поделаешь. Но безделье?

Как это может не быть дела? Скучновато было в тюрьме, и то, пока был без книг, а потом начиналась даже чрезмерная работа мысли.

Как это можно быть без дела? Объясни мне. Да еще в Москве. А музеи и картинные галереи? А большая немая прогулка одному или с кем-либо из близких, с мыслями и разговорами? А книги! Секретница всегда под руками, и переполняющее сладкой юской сознание, что их не прочтешь, хотя бы тебе дали двести лет. Работа — дело великолепное. Отдых не хуже и дает не меньше. Безделье и скука вынытаются из нашей жизни вовсе, больше еще, чем сон и тяжелая болезнь. Этого нельзя допустить. Я думаю, что мама тебе подтвердит, что раньше на это дело мы не тратили ни минуты. Так это было до сегодняшнего дня и будет до смерти, если, конечно, меня не разобьет паралич...

Напиши мне немедленно, как идут твои дела...

Я работаю непосредственно в рамках делегации и для себя. Много думаю, гуляю один по Женеве. Все время стоит чудная погода. Задумчивая и трогательная, но красивая, рыжая и бледно-голубая осень.

Я всегда любил осень. Ну, а теперь, когда я сам живу в своем ноябре (или скажем, сентябре), еще более. Хорошо иногда отойти чуточку от жизни и хорошенько подумать и вспомнить. Когда уже прожита содержательная жизнь — это почти так же приятно и важно, как непосредственно переживать.

Переживать можно... творя.

Это самое лучшее».

«...Волноваться, бороться, творить и сомневаться хорошо всю жизнь, но особенно в молодости».

«Я тебя горячо люблю, люблю, как развертывается твоя жизнь, и желаю, чтобы она была широкой, яркой и творческой, а значит, и счастливой. Творчество без счастья приемлемо. Счастья без творчества нет».

«И когда пришел час испытаний, Анатолий идет добровольцем на фронт. И умирает, как храбрый солдат, в Новороссийской десантной операции» (Елкин А. А. Луначарский.— М., 1967, с. 284—285).

М. И. Калинин уделял большое внимание воспитанию и обучению своих детей (их было трое: Александр, Юлия, Валерьян).

«Пока ребята учились в школе, Михаил Иванович частенько заглядывал в школу, беседовал с директором, с учителями. Когда сыновья Валерьян и Александр поступили в один из ленинградских институтов, Михаил Иванович попросил старого приятеля... Владимира Петровича Колпашикова поселить их у себя. Тот засомневался было:

— Угожу ли твоим ребятам-то?

Калинин засмеялся:

— Об этом они должны беспокоиться, а не ты...

И ребята, к тому времени уже юноши, жили как сыновья в семье старого рабочего. Учились самостоятельности, бережливости. Помогали в доме по хозяйству: кололи дрова, топили печь.

На летние каникулы они уезжали в Верхнюю Троицу, где вместе с другими колхозниками работали в поле.

Михаил Иванович не раз повторял:

— Если человек живет, питается и не работает, то это значит, что он поедает чужой труд.

Калинина никогда никто не мог упрекнуть в том, что он говорит одно, а делает другое. И дети его хорошо знали, что слово у отца не расходится с делом. Они знали, что бесполезно просить его оказать какую-либо протекцию. Напротив, он просил учителей и преподавателей быть строже с его детьми. Они не пользовались никакими привилегиями, никогда не позволяли себе пропустить урок или опоздать.

«Отношения у меня с детьми,— говорил Михаил Иванович,— самые простые, самые товарищеские. Мои ребята любят спорить со мной и бывают очень довольны, когда им удается на чем-нибудь меня изловить. Они страшно довольны, если я «попадусь». Ну, конечно, и я стараюсь в свою очередь подловить их на чем-нибудь. Задашь вопрос — смотришь, кто-нибудь и не знает. Иногда поспорим серьезно, принципиально. Для них спорить с отцом — самое приятное дело. Я никогда не чувствовал, что был для них неотъемлемым. Но это ничуть не связано с их материальной зависимостью от меня. Материально они всегда приучались мною к самостоятельности».

«Главное, чему наставлял Калинин детей,— это уметь видеть в жизни большую цель, великую идею. Если эта идея овладевает всем сознанием человека, говорит он, то и разные житейские невзгоды ему будет легче переносить. Только в борьбе за счастье народа человек может обрести личное счастье. А высшее счастье для человека — возможность отдать все свои силы и способности Родине, великому делу строительства социализма» (Толмачев А. В. Калинин.— М., 1974, с. 204—205).

Представленный полковник Михаил Васильевич Фрунзе очень любил семью, домашний уют. Даже при самой спешной работе, которая ожидала его дома в ночные часы, он никогда не забывал о жене

и детях. Михаил Васильевич постоянно играл и общался с дочерью Таней и сыном Тимуром. Дети горячо любили отца, старались во всем подражать ему.

«Жизнь отца прежде всего стала эталоном для Тимура Михайловича Фрунзе, сына Михаила Васильевича, погибшего под Старой Руссой 19 января 1942 года.

В девятнадцать лет он кончил Качинскую военную авиационную школу. В день боя, приведшего к смерти, он вместе с командиром самолета Штутовым атаковал тридцать вражеских бомбардировщиков, сломал их порядок и сбил несколько самолетов. И был убит в неравном бою. 16 марта 1942 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и он навечно зачислен в списки своего авиационного истребительного полка» (Архангельский В. В. Фрунзе.— М., 1970, с. 502—503).

Мать Олега Кошова — Елена Николаевна вспоминает: «У Олега не было от нас ни секретов, ни тайн. Он делился со мной своими затаенными мыслями, он был уверен, что я выслушаю внимательно и дам искренний совет. Я, помню, была сильно расстроена, когда однажды услышала, как сын сказал своим товарищам по школе:

— У меня мама — не только мама, но и товарищ мой.

Мне легко было растить сына. Жили мы с ним дружно, и он как-то особенно душевно ценил любую заботу и ласку, которыми я старалась окружить его, и платил мне тем же. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь ссорились; я не бранила, не ворчала на него даже тогда, когда видела, что он сделал что-нибудь нехорошее.

Спокойно и терпеливо старалась я убедить его, как следовало бы поступить иначе. Не имела привычки обрывать мальчика на полуслове. Внимательно выслушала его и тогда спокойно говорила сама. О том, чтобы я подняла руку на своего сына, не могло быть и речи...

«Я гордилась своим сыном. Не раз ходили мы с ним, взявшись за руки. Я была переполнена материнской гордостью, мне хотелось останавливать людей и говорить им: «Смотрите, какой у меня сын!»

Олег, словно чувствуя мое настроение, весело говорил:

— Правда, мама, я уже большой? Посмотри, я уже выше тебя.

В мечтах о будущем сын уже видел себя сначала студентом, потом инженером. Обещал мне помощь, отдых от работы, любовь и уважение в старости. Я смеялась и говорила ему, что еще не устала жить и что моя старость так далеко.

Да разве люди от работы устают? Устают от горя. А я, сыночек, счастлива с тобой!» (Кошова Е. Н. Повесть о сыне.— Минск, 1979, с. 60—61).

Мать Зои и Шуры Космодемьянских — Любовь Тимофеевна вспоминает о школьных годах своих детей, героев Великой Отечественной войны. В этих воспоминаниях прослеживается стиль семейных отношений, характер и тон общения матери с детьми.

«Чистота и уют в нашем доме — дело Зоиных рук. На ней лежит все хозяйство: уборка, покупка продуктов. Зимой она еще и печь топит. У Шуры тоже есть кое-какие обязанности: он носит воду, колет дрова и ходит за керосином...

«Я принимаюсь за свой поздний обед, дети ужидают. Сейчас все разговоры о том, какой будет школьный сад. Я слушаю и понимаю: ребята готовы высадить вокруг своей школы все деревья, какие только известны».

— Почему ты говоришь, что пальма не будет расти? Вот я в «Огоньке» видел фото: пальмы, а кругом снег. Значит, они отлично переносят холод.

— Что же ты сравниваешь крымскую зиму и нашу? — спокойно возражает Зоя. Потом поворачивается ко мне: — Мама, а ты мне что-нибудь почитать принесла?

Я молча достала из портфеля «Овод». Зоя краснеет от удовольствия.

— Вот спасибо! — говорит она и, не в силах удержаться, начинает бережно перелистывать книгу, но тут же откладывает в сторону.

Потом быстро убирает со стола, перемывает посуду и садится за уроки.

Рядом с нею, вздохнув и поворчав немного («Завтра с утра времени нет, что ли»), усаживается Шура.

Зоя начинает с того, что ей дается труднее всего, — с математики. Шура открывает учебник немецкого языка, оставляя задачи напоследок: они ему даются легко.

Через полчаса Шура захлопывает учебник и с громом отодвигает стул:

— Кончили А задачи — завтра утром.

Зоя даже не поворачивает головы. Она вся ушла в работу. Рядом лежит «Овод» — книга, которую она давно уже просила меня принести, но я знаю: пока Зоя не покончит с уроками, читать она не станет.

— Дай-ка я посмотрю твой перевод, Шура, — говорю я. — Так... Это разве детальный падеж? Взгляни-ка сюда...

— Ну вот... А тут надо не «ц», а «й». И вот еще. *Geräte* ведь существительное, почему же с маленькой буквы? Три ошибки. Садись, пожалуйста, и перепиши все заново.

Шура со вздохом выглядывает из окошка: на крыльце сидят его приятели и ждут, не выйдет ли он. Время не такое позднее, еще можно бы разок сыграть... Но факты — вещь упрямая: три ошибки... с этим не поспоришь! И Шура со вздохом снова садится к столу.

...Ночью я просыпаюсь со смутным ощущением: в комнате что-то не так, как всегда. Так и есть: зажжена и прикрыта газетой настольная лампа; Зоя, подперев кулаками щеки, склонилась над «Оводом». И щеки, и руки, и, кажется, страницы мокры от слез.

Почувствовав мой взгляд, она поднимает глаза и молча улыбается сквозь слезы. Мы ничего не говорим друг другу, но обе вспоминаем тот день, когда Зоя с укором сказала мне: «Большая, а плачешь!» (Космодемьянская Л. Т. Повесть о Зое и Шуре. — М., 1976, с. 90—92).

«...И прежде чем я успела остановить ее, Зоя шарнула к печке и бросила тетрадь в огонь. Потом присела тут же на низкую скамеечку и тихонько, по-детски попросила:

— Посиди со мной.

...Зоя обернулась, взглянула в сторону спящего Шуры, потом мягко взяла мои руки в свои и едва слышно заговорила.

— Я расскажу тебе, как все было... Только ты никому никому, даже Шура... Я подала заявление в райком комсомола, что хочу на фронт.

...Шура рано уходил на завод.

— До свидания, Шура, — сказала Зоя, когда он стоял уже в пальто и шапке.

Он пожал ей руку.

— Обними деда, — сказал он. — И бабушку. Счастливого тебе пути!.. Знаешь, нам будет скучно без тебя. Но я рад: в Гаях тебе будет спокойнее.

Зоя улыбнулась и обняла брата.

Потом мы с ней выпили чай, и она стала одеваться. Я дала ей теплые зеленые варежки с черной каймой, которые сама связала, и свою шерстяную фуфайку.

— Нет, нет, не хочу! Как же ты будешь зимой без теплого? — запротестовала Зоя.

— Возьми, — сказала я тихо.

Зоя взглянула на меня и больше не возражала.

Потом мы вышли вместе. Утро было пасмурное, ветер дул в лицо.

— Давай я понесу твой мешок, — сказала я.

Зоя приостановилась:

— Ну зачем ты так? Посмотри на меня... Да у тебя слезы? Со слезами провожать меня не надо. Посмотри на меня еще.

Я посмотрела: у Зои было счастливое, смеющееся лицо. Я постаралась улыбнуться в ответ.

— Вот так-то лучше. Не плачь...

Она крепко обняла меня, поцеловала и вскочила на подножку отходящего трамвая (там же, с. 156—159).

Юрий Алексеевич Гагарин — первый человек в мире, проложивший дорогу в космос, вспоминает о своих детских годах, о своих родителях, воспитавших у него трудолюбие и целеустремленность.

«...Он (отец) все умел делать в крестьянском хозяйстве, но больше всего плотничал и столярничал. До сих пор помню желтоватую пену стружек, как бы обрамляющих его крупные рабочие руки, и по запахам могу различить породы дерева — сладковатого клена, горьковатого дуба, вязнущий привкус сосны, из которых отец мастерил полезные людям вещи.

Одним словом, к дереву я отношусь с таким же уважением, как и к металлу. О металле много рассказывала мама — Анна Тимофеевна. Ее отец, а мой дед, Тимофей Матвеевич, работал сверловщиком на Путиловском заводе в Петрограде. По рассказам мамы, он был крепкий человек, мастер своего дела — рабочий высокой квалификации, из тех, которые могли, что называется, блоху подковать и из куска желёза цветок выковать. Мне не пришлось видеть деда Тимофея, но в нашей семье хранят память о нем, о революционных традициях путиловцев.

Мама наша, так же как и отец, в молодости не смогла получить образования. Но она много читала и многое знает. Она могла правильно ответить на любой вопрос детей. А было нас в семье четверо: старший брат Валентин, родившийся в год смерти В. И. Ленина, сестра Зоя, тремя годами младше, наконец, я и наш меньшой брат Борис.

...Родители работали в колхозе — отец плотничал, а мать была дояркой. За хорошую работу ее назначили заведующей молочноотоварной фермой колхоза. С утра и до поздней ночи она работала там. Дел у нее было невпроворот: то коровы телятся, то с молодняком беспокойство, то о кормах волнения.

...Хотелось поскорее повзрослеть. Когда мне исполнилось семь лет, отец сказал:

— Ну, Юра, нынешней осенью пойдешь в школу...

В нашей семье авторитет отца был непререкаем. Строгий, но справедливый, он преподавал нам, детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любви к труду. Никогда не применял ни угроз, ни брани, ни шлепков, никогда не задабривал и не ласкал без причины. Он не баловал, но был внимателен к нашим желаниям. Соседи любили и уважали его: в правлении колхоза считались с его мнением» (Гагарин Ю. А. Дорога в космос: Записки летчика-космонавта СССР. — М., 1981, с. 9—10, 11).

3 июля 1972 г. рязанский комсомолец Анатолий Мерзлов совершил подвиг. Сражаясь с огнем, который мог перекинуться на пшеничное поле, он погиб. На родине героя в селе Прудские Выселки побывал писатель К. Симонов. Он пишет о родителях Анатолия, о семье, где вырос и воспитался этот мужество.

Маша с матерью ожидали на автовокзале автобус. Рядом стояла незнакомая женщина. Она посмотрела на Машу и спросила у матери:

— Это ваша дочь? Хорошая, наверное, девочка? Вот мои дети все нервы мне испортили!

— Да все они одинаковые! — неожиданно ответила мать. — Если бы вы знали, какая моя дочка лентяйка, какая неаккуратная девочка! Всегда у нее все перепачкано: и платье, и обувь, и лицо, и руки.

— Мамочка! Зачем ты так? — сказала девочка.

— Молчи! Смотреть на тебя иногда стыдно.

Когда они приехали домой, дочь плача упрекнула мать:

— Какое кому дело, какая я у тебя?

Девочка долгое время обижалась на мать. Но после этого случая все же изменилась в лучшую сторону: стала больше помогать матери, следить за своей одеждой.

Как вы расцениваете высказывание матери?

К чему может привести подобное общение?

Почему все-таки девочка изменилась после случившегося в лучшую сторону?

Каким должно быть общение родителей с детьми, имеющими ярко выраженные отрицательные черты и привычки?

(Подобная форма общения матери с незнакомой женщиной в присутствии дочери нежелательна. Мать нарушила этику отношений, вела себя не тактично по отношению к Маше. Иногда такое общение приводит к серьезным конфликтам в семье. Правда, в данном случае все обошлось благополучно. Более того, дочь, быстро забыв причиненную матерью обиду, стала помогать ей, следить за своей одеждой. Возможно, она осознала свои недостатки. А может быть, стала браться, что мать или кто-нибудь другой снова назовет ее лентяйкой в присутствии посторонних людей.)

Если дети имеют отрицательные привычки, родители, несомненно, должны искоренять их, используя различные методы воспитания (внушение и убеждение, упражнение и требование, контроль и наказание и др.). Но при этом всегда необходимо соблюдать такт и чувство меры.)

Второклассник Гена услышал во дворе от взрослых бранные слова. Не осознавая их смысла, этими словами он оскорбил девочку. Проходивший в это время мужчина все услышал и рассказал матери мальчика. Когда Гена возвратился домой и открыл дверь, перед ним тут же появилась рассерженная мать. Она ударила мальчика рукой по губам.

— Чтобы подобной гадости никогда твой язык не говорил! Мне стыдно за тебя! — строго сказала она.

Правы ли мать, действуя так по отношению к сыну?

Какие методы воздействия более всего применимы в подобных случаях?

(Мать не права, ударив сына за то, что он повторил бранные слова. Нередко после физического наказания дети назло родителям продолжают их произносить. Лучше всего помогают разъяснение и осуждение.)

Сделав уроки и убрав в квартире, Коля с сестрой Тасей ждали с работы родителей. Первой пришла мать. Она была явно не в духе. Пройдя на кухню, она громко крикнула Тасе:

— Как ты помыла посуду? А чашки как стоят?

— Я старалась, мамочка, — оправдывалась Тася.

— Замолчи, лентяйка! — продолжала мать.

— А ты чего уставился? — переключилась мать на сына.

И сын и дочь ни в чем не чувствовали своей вины. Оба не знали, как вести себя.

Какие чувства вызывает у детей подобное общение матери с ними? К чему оно может в конечном счете привести?

Можно ли показывать детям свое плохое настроение?

(Слова матери вызвали у детей чувство недоумения и удивления. Если подобные сцены повторятся, дело может дойти до конфликта. Недопустимо, чтобы из-за плохого настроения отца или матери в семье создавалась нервная обстановка.)

Ирина была в пионерском лагере, где подружилась с мальчиками и девочками. Разъезжаясь, они договорились переписываться. Ирина регулярно писала друзьям. Однажды она заметила, что ее письма стала читать мать, а письма от мальчиков она вообще перестала отдавать дочери.

— Мама, ведь так нельзя делать, эти письма приходят мне, — запротестовала Ира.

— Ты моя дочь, поэтому твои письма — это и мои письма, — резко ответила мать.

— Читать чужие письма некрасиво и нечестно! — сказала Ира матери.

— Ты еще вздумала учить меня. Не смей указывать, что мне делать! — оборвала ее мать.

Ира пыталась доказать свою правоту, но так и не смогла.

Как вы оцениваете поведение матери?

Рассказывали ли вам дети о содержании полученных ими писем? Если да, то почему, на ваш взгляд, они это делали?

(Мать Иры нарушила элементарные нормы этики, читая письма, адресованные дочери. Она действовала по отношению к ней грубо и бестактно.)

Галя дружила с одноклассником Сережей. Он нравился всем ребятам в классе. Как-то Галя решила рассказать о нем матери, которая учила дочь быть с ней во всем откровенной.

— Мама, знаешь, какой отличный мальчик Сережа! Я с ним дружу, и все мне завидуют.

— Какой там еще Сережа! Все мальчишки теперь плохие! — категорично заявила мать.

— Не все, Сережа — славный мальчик, — настаивала дочь.

— Знаю я этих славных с нечесаными гривами, папиросами в зубах! Твой Сережа, наверняка, такой же, — заключила мать.

Девочка была не рада, что поделилась с матерью.

Как следовало бы матери в этом случае общаться с дочерью?

(Не зная Сережи, мать не должна была ставить его в один ряд с той категорией подростков, которые ходят с «нечесаными гривами, папиросами в зубах». Надо было отнестись деликатно к сообщению дочери. Мать могла бы сказать примерно так: «Молодец, что выбрала другом хорошего мальчика, которого все любят за его хорошую учебу и честность.»)

Резко хлопнула дверь.

— Мать, — подумала семиклассница Вера. — Опять будет нагоняй.

Растерянная, она стояла посередине комнаты и не знала, за что хвататься. Вера еще не убрала в квартире. Мать, закрыв за собой дверь, крикнула:

— Опять одни пластинки на уме! Ты забыла, о чем я тебе говорила?

Маша с матерью ожидали на автовокзале автобус. Рядом стояла незнакомая женщина. Она посмотрела на Машу и спросила у матери:

— Это ваша дочь? Хорошая, наверное, девочка? Вот мои дети все нравы мне испортили!

— Да все они одинаковые! — неожиданно ответила мать. — Если бы вы знали, какая моя дочка лентяйка, какая неаккуратная девочка! Всегда у нее все перепаковано: и платье, и обувь, и лицо, и руки.

— Мамочка! Зачем ты так? — сказала девочка.

— Молчи! Смотреть на тебя иногда стыдно.

Когда они приехали домой, дочь плача упрекнула мать:

— Какое кому дело, какая я у тебя?

Девочка долгое время обижалась на мать. Но после этого случая все же изменилась в лучшую сторону: стала больше помогать матери, следить за своей одеждой.

Как вы расцениваете высказывание матери?

К чему может привести подобное общение?

Почему все-таки девочка изменилась после случившегося в лучшую сторону?

Каким должно быть общение родителей с детьми, имеющими ярко выраженные отрицательные черты и привычки?

(Подобная форма общения матери с незнакомой женщиной в присутствии дочери нежелательна. Мать нарушила этику отношений, вела себя нетактично по отношению к Маше. Иногда такое общение приводит к серьезным конфликтам в семье. Правда, в данном случае все обошлось благополучно. Более того, дочь, быстро забыв причиненную матерью обиду, стала помогать ей, следить за своей одеждой. Возможно, она осознала свои недостатки. А может быть, стала браться, что мать или кто-нибудь другой снова назовет ее лентяйкой в присутствии посторонних людей.

Если дети имеют отрицательные привычки, родители, несомненно, должны искоренять их, используя различные методы воспитания (внушение и убеждение, упражнение и требование, контроль и наказание и др.). Но при этом всегда необходимо соблюдать такт и чувство меры.)

Второклассник Гена услышал во дворе от взрослых бранные слова. Не осознавая их смысла, этими словами он оскорбил девочку. Проходивший в это время мужчина все услышал и рассказал матери мальчика. Когда Гена возвратился домой и открыл дверь, перед ним тут же появилась рассерженная мать. Она ударила мальчика рукой по губам.

— Чтобы подобной гадости никогда твой язык не говорил! Мне стыдно за тебя! — строго сказала она.

Правы ли мать, действуя так по отношению к сыну? Какие методы воздействия более всего применимы в подобных случаях?

(Мать не права, ударив сына за то, что он повторил бранные слова. Нередко после физического наказания дети назло родителям продолжают их произносить. Лучше всего помогают разъяснение и осуждение.)

Сделав уроки и убрав в квартире, Коля с сестрой Тасей ждали с работы родителей. Первой пришла мать. Она была явно не в духе. Пройдя на кухню, она громко крикнула Тасе:

— Как ты помыла посуду? А чашки как стоят?

— Я старалась, мамочка, — оправдывалась Таса.

— Замолчи, лентяйка! — продолжала мать.

— А ты чего уставился? — переключилась мать на сына.

И сын и дочь ни в чем не чувствовали своей вины. Оба не знали, как вести себя.

Какие чувства вызывает у детей подобное общение матери с ними? К чему оно может в конечном счете привести?

Можно ли показывать детям свое плохое настроение?

(Слова матери вызвали у детей чувство недоумения и удивления. Если подобные сцены повторятся, дело может дойти до конфликта. Недопустимо, чтобы из-за плохого настроения отца или матери в семье создавалась нервозная обстановка.)

Ирина была в пионерском лагере, где подружилась с мальчиками и девочками. Разъезжаясь, они договорились переписываться. Ирина регулярно писала друзьям. Однажды она заметила, что ее письма стала читать мать, а письма от мальчиков она вообще перестала отдавать дочери.

— Мама, ведь так нельзя делать, эти письма приходят мне, — запротестовала Ира.

— Ты моя дочь, поэтому твои письма — это и мои письма, — резко ответила мать.

— Читать чужие письма некрасиво и нечестно! — сказала Ира матери.

— Ты еще вздумала учить меня. Не смей указывать, что мне делать! — оборвала ее мать.

Ира пыталась доказать свою правоту, но так и не смогла.

Как вы оцениваете поведение матери?

Рассказывали ли вам дети о содержании полученных ими писем? Если да, то почему, на ваш взгляд, они это делали?

(Мать Иры нарушила элементарные нормы этики, читая письма, адресованные дочери. Она действовала по отношению к ней грубо и бестактно.)

Галя дружила с одноклассником Сережей. Он нравился всем ребятам в классе. Как-то Галя решила рассказать о нем матери, которая учила дочь быть с ней во всем откровенной.

— Мама, знаешь, какой отличный мальчик Сережа! Я с ним дружу, и все мне завидуют.

— Какой там еще Сережа? Все мальчишки теперь плохие! — категорично заявила мать.

— Не все, Сережа — славный мальчик, — настаивала дочь.

— Знаю я этих славных с нечесаными гривами, папиросами в зубах! Твой Сережа, наверняка, такой же, — заключила мать.

Девочка была не рада, что поделилась с матерью.

Как следовало бы матери в этом случае общаться с дочерью?

(Не зная Сережи, мать не должна была ставить его в один ряд с той категорией подростков, которые ходят с «нечесаными гривами, папиросами в зубах». Надо было отнестись деликатно к сообщению дочери. Мать могла бы сказать примерно так: «Молодец, что выбрала другом хорошего мальчика, которого все любят за его хорошую учебу и честность.»)

Резко хлопнула дверь.

— Мать, — подумала семиклассница Вера. — Опять будет нагоняй.

Растерянная, она стояла посередине комнаты и не знала, за что хвататься. Вера еще не убрала в квартире. Мать, закрыв за собой дверь, крикнула:

— Опять одни пластинки на уме! Ты забыла, о чем я тебе говорила?

— Я сейчас же, мамочка, все сделаю, только не ругайся...

Но в эту минуту мать остановить было невозможно:
— Дрантыка, негодница, иждивенка!..

Можно ли предъявлять требования к детям в такой форме и таким тоном?

Как бы вы говорили с Верой, оказавшись на месте матери?

(В такой форме и таким тоном нельзя предъявлять требования к детям. Обычно они отвечают родителям тем же, и дело доходит до конфликтов. Вера, увлекшись слушанием музыки, не успела сделать уборку. Но она осознает свою оплошность и готова ее исправить. Поэтому матери нужно было спокойно сказать: «Быстренько принимайся за уборку и в другой раз делай ее вовремя».)

Собирая грибы, Гриша не замечал буквально ничего. Когда корзина была переполнена, он стал собирать грибы в свою спортивную куртку. Отец, смеясь, попытался остановить чрезмерное рвение сына:

— Хватит, все грибы все равно не соберешь.

Но мальчиком овладела жадность. И грибов было очень много.

— Папа, давай твою куртку, — попросил Гриша, продолжая собирать грибы.

— Довольно, уже давно пора домой, совсем стемнело, — заявил отец.

— Придется оставить грибы, а жалко! Давай еще и завтра сюда приедем.

— Приедем обязательно, если только сегодня найдем дорогу к нашей машине. Я не знаю, как отсюда выйти.

Гриша описал этот случай в сочинении: «Я очень испугался. Меня совершенно перестали волновать корзина и куртка с грибами. Я готов был их оставить в лесу. На дорогу мы вышли через час, так как папа хорошо ее знал (он просто, как я потом узнал, сделал вид, что мы заблудились в лесу). Мы с папой часто вспоминаем этот случай. Теперь я тоже люблю собирать грибы, но такой жадности, как в тот раз, никогда больше не проявляю».

Как вы относитесь к такому способу отучить сына от жадности?

Как вы строите общение с сыном или дочерью, если они проявляют такие отрицательные черты, как жадность, завистливость и др.?

(Конечно, способ, который применил отец, не самый лучший. Можно было сразу сказать сыну, что смеркается и пора ехать домой.)

Шестиклассница Марина дружила со сверстником. Он часто приходил к девочке домой, и они вместе готовились к урокам. Отец и мать всегда встречали мальчика иронически:

— Опять жених пришел!

Когда он уходил домой, родители обращались к Марине:

— Когда же, невеста, замуж будешь выходить?

Девочке было неловко. Она не знала, как ей себя вести и что говорить отцу и матери.

Правы ли отец и мать, беседующие с дочерью и Мишей в таком тоне?

Какие бы советы вы дали отцу и матери девочки?

(Родители поступают неправильно по отношению к дочери и ее однокласснику. У них чистая, искренняя дружба. Отцу и матери Марины необходимо изменить свое отношение к ребятам, быть с ними тактичными и деликатными.)

Готовясь к школьному вечеру, восьмиклассница Нина стала красить ресницы. Отец, увидев это, закричал:

— Прекрати немедленно мазию!

— Все красятся, и я тоже немножко хочу. Что, тебе жалко красок? — ответила дочь.

Тут в разговор вмешалась мать:

— Нина, нам с папой не жалко для тебя красок. Но пойми, что красота девочки — в ее естественности. У тебя от природы ресницы длинные, густые и черные. Зачем тебе краска?

— А наши девочки почти все подкрашиваются...

— Значит, они просто подражают взрослым.

Нина ничего не сказала, но было видно, что она согласилась с матерью. Девочка закрылась в ванной, смыла с ресниц краску, оделась и ушла на вечер.

Сравните слова отца и матери, обращенные к Нине. Когда слова родителей лучше всего убеждают детей?

(Отец в общении с дочерью груб и категоричен. Мать же умело и тактично объяснила Нине, почему ей не нужно краситься.)

Дальнейшие действия восьмиклассницы показываю, что мать сумела убедить ее. Сила слов матери — в спокойном тоне, доброжелательности и доказательности.)

Во время летних каникул Миша носил сдавать молоко на приемный пункт колхоза по очереди с младшим братом Сережей. Как-то мать купила Сереже джинсовые брюки, а Мише сказала:

— У тебя еще не старый костюм, доншивай!

Мише стало обидно.

Мать спросила:

— Кто из вас сегодня понесет молоко?

— Я должен нести, — ответил Миша, — но пусть несет Сережа, ведь на нем модные брюки.

Сережа тоже отказался нести молоко, так как была очередь Миши.

— Спасибо, сыночки, за помощь! — с укоризной сказала мать, взяла битон с молоком и донесла сама. Братья некоторое время сидели молча, чувствуя вину перед матерью. Затем Миша поднялся и пошел ее догонять.

Правильно ли поступила мать, когда понесла сама сдавать молоко?

Как бы вы поступили в создавшейся ситуации?

(Мать не должна была сама нести молоко. Ей следовало бы добиться, чтобы это сделал Миша. Вместе с тем, когда женщина сама понесла сдавать молоко, ей удалось проверить, как относятся к ней сыновья, сочувствуют ли ей.)